

АКРИТЫ И ВИЗАНТИЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ВИЗАНТИЙСКИХ ВОЕННЫХ ТРАКТАТАХ, ТАКТИКОНАХ И ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ¹

Проблематика византийского пограничья, как специфической структуры в военно-административной системе империи является достаточно актуальной и для современности. Отдельно можно поставить вопрос «человеческого фактора» – т. е. появления и функционирования особых социальных групп, формирующихся в контактных зонах этнического, культурного, религиозного и цивилизационного контакта.

Восточное пограничье Византийской империи или, точнее, ее *восточный фронтир*, который также определяется как «контактная зона» (первоначально Королук предложил этот термин для балканского пограничья Византии, Арутюнова-Фиданян использует для восточного пограничья империи термин «*армяно-византийская*», хотя полный список «контактеров» намного больше: это не только греки и армяне, но и персы, арабы, курды, турки, грузины, переселенные в VII-VIII вв. в Малую Азию македонские славяне, исавры, мардаиты...), характеризуется наличием особой социальной общностью – «акритами». Здесь нам необходимо выделить два видения феномена пограничья: «граница-*border*» – это линия, *отделяющая* одну страну от другой; «граница-*frontir*» – это линия (точнее «полоса»), которая *соединяет* страны. То есть *фронтир* – это именно «контактная зона» или, точнее, тот «плавильный котел» в котором создается уникальная культура пограничья [8, с. 229].

Основными источниками по истории социальной группы акритов, кроме исторических произведений византийских авторов, являются византийские военные трактаты.

– «Стратегикон» (VII в.): Акритов-пограничников как самостоятельного разряда военного сословия еще нет, но расписаны типы византийских конных воинов, их вооружение и система подготовки [9];

– «Тактика Льва» (рубеж IX-X вв.): фактически повторяют книгу IX «Стратегикона» в описании действий разведчиков [6];

– «О церемониях византийского двора» Константина VII Порфирогенита в котором описаны военные и военно-административные

¹ Публикуется в авторской редакции.

структуры империи, организация и выплаты различных подразделений и выплаты им [13];

– «О боевом сопровождении» (X в.): наверное, ни в одном византийском военном трактате так подробно не рассмотрены практические вопросы и проблемы маневренной пограничной войны, которая на византийском фронтире фактически была перманентной [7];

– «Стратегика императора Никифора» (X в.): описание наступательной операции центральной армии с отрядами армейской разведки в бою. Подробно описано вооружение различных типов войск [7];

– «Советы и рассказы» Кекавмена или «Стратегикон Кекавмена» (XI в.): подробно рассказано действия византийского «спецназа» [5];

– а так же византийский героически эпос «Дигенис Акрит» и сказания «акритского» цикла («Об Амурсе», «О Ксанфине» и др.): быт, образ жизни, поведения и мыслей («идеология») акритов [2; 4].

Отдельной группой источников являются византийские «Тактиканы», в которых показана иерархическая структура византийского государственного чиновного аппарата и место в нем пограничных структур: «Тактикон Успенского» (842-843 гг.), «Тактикон Филофея» (899 г.), «Тактикон Бенешевича» (934-944 гг.) и «Тактикон Икономидиса» или «Эскуриальский тактикон» (971-975 гг.) [12].

В течении VIII-IX вв. к X в. в Византии «периода фем» формируется отлаженная многоступенчатая и достаточно гибкая система защиты границы в условиях перманентной *оборонительной* войны: сперва – с мощным единым Арабским халифатом, затем – с несколькими отдельными эмиратами. Первая линия – это группы, действующие в приграничной полосе на территории противника: «...им следует использовать легкое вооружение и иметь быстрых лошадей для беспрепятственных передвижений, а эксплораторы или катаскопы должны бесстрашно вступать в сношения с неприятелями, чтобы те посчитали их своими соплеменниками» [6, с. 264]. Вторая линия – это подвижные патрули вдоль византийской стороны границы: «Виглаторы должны быть людьми надежными и отличаться от остальных стратиотов телесной мощью, душевной отвагой и великолепным вооружением, чтобы совершать славные дела и с честью выходить из них, или же в случае захвата в плен вызывать у врагов восхищение» [6, с. 265]. Третья – это стационарные укрепления (οι καστρώνες) со сменными гарнизонами, состоящими именно из апелатов. Время одной «смены» на дежурстве или патрулировании – 15 суток. Эпические герои, вроде Дигениса Акрита, могли отдежурить две смены подряд (это экстремальное требование в эпосе – элемент «теста» для вхождение в сообщество апелатов) [3, с.48]. В

составе разведчиков, по словам Льва VI, входили «катаскопы» и «скулькаторы». Первоначально, эти термины были синонимами, но со временем задачей первых стала собственно разведка – наблюдение за противником, а вторых – силовое прикрытие первых и захват «языков» – в XI веке их именуют «синодики» [6, с. 265; 5, с.150-151]. В результате в Византии была разработана особая система охраны и защиты границ, суть которой концентрируется в двух основных понятиях: *paradrom* (противник находится под постоянным наблюдением сторожевых постов и авангардных частей византийской армии, «сопровождение») и *paramon* (когда наблюдение осуществляется за противником, находящимся не в динамическом, а в стационарном состоянии, «непрерывное контактное наблюдение») [7, с. 11-15].

Эта акритская полуразбойничья вольница великолепно показана в трактате «О боевом сопровождении», приписываемом императору Никифору II Фоке, в ярком описании качеств армянских акритов: «В пограничных армянских фемах, с учетом того, что армяне несут сторожевую службу неисправно и ненадежно... Следует отобрать и взять на учет пригодных людей, которые должны получать оплату из средств армии [т.е. являться профессиональными военными – С.К.]... Но поскольку и они, будучи армянами, даже при условии вознаграждения и оплаты анноны исполняют сторожевую службу неисправно...» [7, с. 124-125]. При том, что и сам дом Фок имел армянское происхождение (хоть и возводил себя к римскому роду Сципионов) – даже увеличение жалования не намного усилит рвение армян-акритов в несении караульной службы [7, с. 125]. Видимо, поэтому армянская моноэтничность византийско-арабской границы целенаправленно разбавлялась другими этническими группами: мардаитами при Юстиниане II Риномете, македонскими славянами при нем же и при Константине V Копрониме (Каваллине).

Трапезиты (тасинарии, хонсарии) описаны в трактате «О боевом сопровождении» как небольшие летучие отряды, проникающие на вражескую территорию с целью разорения сельской местности в приграничной зоне, чтобы сделать невозможным нормальное снабжение армии вторжения противника (за счет этого многие из трапезитов и жили), ведения разведки, захвата пленных для допроса (этим занимался их особый разряд – «синодики» (οι σινωδικοι) [5; 7]. Кекавмен рекомендует стратегу не жалеть наград для этих людей [5, с.150-151]. Для сравнения можно привести описание ситуации на границе за 100 лет до Кекавмена в трактате «О боевом сопровождении» [7, с. 204-205]. По всей видимости, со временем стало только хуже.

Это был особый мир пограничников-акритов, чьи воинские традиции отразились в героическом эпосе «Дигенис Акрит» (в том числе в Трапезундской версии), а так же в акритских песнях [2; 3]. В «Сказании о Ксанфине», связанном непосредственно с трапезундским Понтом, герой ищет своего сына, погибшего во вражьей стране. Тот был убит Сарацином, давним врагом Ксанфина. Это настоящий пограничный князек, по византийской терминологии – топарх: у него 65 замков (кастронов) и 42 неукрепленные деревни [2]. Его земли сопоставимы с размерами владений византийской знати – у Григория Пакуриана, севаста и доместика Запада – 30 имений, не считая укрепленных кастронов, а эпический Дигенис Акрит получает в виде приданого 36 доходных имений [3]. Здесь мы не видим такого показного геройства, характерного для прочих сказаний Византии «акритского» цикла. Ксанфин из чувства мести, не раздумывая, убивает своего врага спящим, в лучших традициях апелатов из «Дигениса Акрита» или трапезитов из трактата «О боевом сопровождении» [7]. Сам Ксанфин принадлежит к такой же группе пограничных землевладельцев только с другой стороны границы – он захватывает владения Сарацина, но щадит его родню и слуг.

Акритам, как и остальной византийской армии, особенно для X в., был присущ значительный религиозный пафос. В чем-то даже больше, чем остальным категориям византийских стратиотов – именно из-за своего пограничного положения с исламским миром. Религиозный аспект в рамках «воспитательной работы» в войсках четко прослеживается в военных трактатах византийской традиции, начиная со «Стратегикона» Маврикия [9, с. 60]. Своего пика он достигает во время «византийской реконквисты» X-XI вв. при императорах-воинах: Никифоре II Фоке, Иоанне I Цимисхии и Василии II Болгаробойце. В военную среду проникают монашеские методы молитвы: в трактате «О стратегии» Никифора II Фоки приводится вариант «молитвы Иисусовой», характерной именно для монастырского духовного опыта, подходящей, скорее, монахам Афона или Олимпа Вифинского: «Kýrie 'Ihsoà Cristš, Ð Qeõj 'mîn, 'mlšhson 'm@j. çm»n» («Господи Иисусе Христе, помилуй нас, аминь») [10, с. 31]. В том же трактате приводится еще одна специфическая «воинская молитва»: «Христиан нас прими, достаивая нас постоять за веру и за братьев наших и побороться до смерти, укрепляя и усиливая души, сердца и все тело наше, о Боже, крепкий во бранях и в силе ни с кем не сравнимый, молитвами родившей ты Богородицы и всех святых. Аминь» [10, с. 31]. Она очень соответствует образу императора Никифора II Фоки – глубоко верующий, аскет на троне, связанный с афонскими монахами (преподобный Афанасий

Афонский, заложивший в 963 г. фундамент Великой Лавры на Афоне, был другом и исповедником императора) [4]. Идея «христоролюбивого воинства», выдвинутая «кабинетным стратегом» императором Львом VI, была подхвачена военными трактатами середины X века: «Воины, которые являются защитниками и первыми вслед за Богом спасителями христиан...» [11].

Героический эпос ромеев «Дигенис Акрит», отражающий «*modus vivendi*» акритов, пронизан даже не просто *религиозным*, а самым настоящим *миссионерским* пафосом – отцом Василия Дигениса становится арабский эмир, принявший христианство. Причем именно в уста эмира, обращающегося к своей матери, включается идея христианской проповеди – произнесение одним из героев эпоса с воодушевлением неопита вполне узнаваемого никео-халкидонского (православного) символа веры [3, с. 33].

Очерченный круг источников позволяет нам достаточно точно определить особенности социальной группой акритов, как византийского социального феномена пограничья: в политико-административной, военной, социальной, религиозно-культурной сферах. Эти люди находились где-то в самом конце «обеденного» списка византийских чинов артиклина Филофея – на этом «пиру» византийской власти они далеко – в самом конце стола. Император и его двор в Константинополе бесконечно далеки от этого мира пограничья – мира пограничных дружин. Мира, пришедшего в конце XI – начале XII вв. к вершинам власти в империи в лице так называемого «клана Комнинов».

1. Арутюнова-Фиданян, В. А. Армяно-византийская контактная зона (X-XI вв.). Результаты взаимодействия культур. / В. А. Арутюнова-Фиданян. – М.: Наука, 1994.

2. Дестунис, Гавриил. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. Опыт переводного и объяснительного сборника / Г. Дестунис // Сборник отделения русского языка и словесности Имп. АН. Т. 34, № 1. СПб., Тип. Имп. АН, 1883.

3. Дигенис Акрит. Византийская эпическая поэма / Пер., статьи и комментарии А.Я. Сыркина. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960.

4. Кадас С. Святая гора Афон: монастыри и их сокровища / Сотирис Кадас. – Афины : Издательство ΕΚΔΟΤΙΚΕ ΑΘΗΝΩΝ, 2008. – 200 с.

5. Кекавмен. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века / Подготовка текста, введение, пер. с греч., комментарий Г.Г. Литаврина. – СПб.: Алетейя, 2003.

6. Лев VI Мудрый. Тактика Льва / изд. подготовил В.В. Кучма ; отв. ред. Н.Д. Барбанов. – СПб.: Алетейя, 2012.

7. О боевом сопровождении // Два византийских военных трактата конца X века / Издание подготовил В. В. Кучма. Ответственный редактор академик РАН Г. Г. Литаврин. – СПб.: Алетейя, 2002.

8. Олейников, Д.И. Противоречия культурного билингвизма: особенности психологии русского офицера-горца в период большой Кавказской войны / Д.И. Олейников // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – с. 229-236.
9. Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В.В. Кучма. – СПб.: Алетейя, 2004.
10. Фока, Никифор II. Стратегика / Никифор II Фока / пер. со среднегреч. и комм. А.К. Нефедкина. – СПб.: Алетейя, 2005.
11. Ahrweiler, H. La frontiere et les frontieres de Byzance en Orient // Actes du XIVe Congres International des etudes byzantines/ Helen Ahrweiler. Bucaresti, 1974.
12. Oikonomidès, N. Les Listes préséance byzantines des IXe-Xe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire / N. Oikonomides. – Paris : Edition du Centre National de la recherche scientifique, 1972.